

Не будьте Гаурдака
Где водятся
волшебники?

4

Светлана Багдерина

Адалет бросается в погоню за ренегатами, оставив Наследников под защитой посоха. Но посох без волшебника как меч без воина, и путь Ивана, Олафа и Серафимы лежит теперь в Высшую Школу Магии Шантони, где им предстоит отыскать самого опытного, сильного и достойного мага, чтобы вручить ему посох легендарного Агграндара вместе с ответственностью за свои жизни. Но как убедить посох согласиться с их выбором — не знает никто.

Светлана Багдерина

Где водятся волшебники?

Опасение, что отставшие от основной группы ренегаты постараются расправиться с Наследниками не мешкая, чтобы как можно скорее присоединиться к покинутым товарищам, оправдалось сразу, едва зеленая долина славного Багинота скрылась из глаз занявшей круговую оборону троицы.

Крупная точка, похожая на страдающего последней степенью ожирения стервятника, не так уж неожиданно отделилась от склона ближайшей горы и споро направилась им наперерез.

— Хель и преисподняя... — процедил сквозь стиснутые зубы отряг, поднимаясь во весь рост с самым огромным топором наперевес.

Иван занял позицию рядом, черный меч наготове, на челе — сумрачная решимость драться до последнего.¹ Сенька с посохом, сияющим ровным темно-голубым светом, осталась сидеть позади.

— Ты помнишь, что надо делать? — более чем слегка нервно полюбопытствовал через плечо

---

¹ Желательно — до последнего ренегата.

ее супруг.

— Помню, — сосредоточенно отозвалась царевна. — Ничего. Просто держать его крепче, и всё.

— И никаких заклинаний?

— Ты меня за кого принимаешь? За Ярославну или за Агафона? — усмехнулась она и тут же проворчала: — И не маячьте вы перед глазами со своим арсеналом — все равно от него тут не будет никакой пользы, только картину загораживаете.

— Не картину, а тебя, — хмуро буркнул Олаф.

— С-спасибо... — растерялась Серафима, но не надолго. — Только без толку это всё, ребята. Заклинание Адалета или подействует, или нет. И если оно подействует, тогда магическими способами они нам причинить вред не смогут...

Обтянутый домотканым половиком деревянный щит приблизился к Масдаю десятка на три метров и замедлился, пропуская.

— Как тигр в засаде... — пробормотал напряженно Иван.

— Смотрят, с нами ли Адалет... — рыжий конунг впился ледяным от бессильной ярости взглядом в самодовольно ухмыляющихся ренегатов. — Увидели, что нет... Зубы скалят... варговы дети...

— Был бы с нами Адалет — они бы так нахально не глазели, — сурово сдвинул брови Иванушка.

— Вот, заладили: «Адалет, Адалет»... Вытащил с родного шкафа, продырявил, запачкал, облил, натравил половину колдунов Белого Света и бросил на произвол судьбы, ваш Адалет... Безответственный, выживший из ума старикан, а не великий маг, вот он кто... — забубнил Масдай, но в эту минуту отряг возмущенно ахнул:

— Они еще и руками машут! Издеваются, реньи гады!

— А ты им в ответ помаши, — сумрачно хмыкнула Серафима.

Олаф послушался совета, но наполовину.

Сенька фыркнула. Иванушка хоть и порозовел слегка, но дипломатично сделал вид, что комбинации из двух рук, записанных в регистре международных жестов и сигналов под номером один, не опознал. Масдай одобрительно качнул краями и попытался на лету сотворить нечто похожее из всех трех сотен задних кистей.

С вражеского летающего объекта донеслись разъяренные, неподвластные цензуре вопли, перемежаемые обещаниями скорой болезненной кончины всей четверки.

— Сейчас начнется, — оптимистично предрек ковер и ускорил ход.

Сообразив, что пока они самозабвенно, но непродуктивно предаются сквернословию и хуле, их добыча успешно улепетывает, ренегаты спохватились. Высокий маг с длинными черными волосами вскинул ладони по направлению к Масдаю, что было сил уносящему кисти, ворс, основу, а заодно и пассажиров. Губы его зашевелились, выговаривая что-то, что должно было положить быстрый конец едва начавшейся охоте. Вокруг поднятых рук стремительно начало формироваться небольшое фиолетовое облако.

— ...А если заклинание Адалета не подействует... — продолжила не оконченную ранее речь Серафима бесцветным потусторонним голосом.

Облако оттолкнулось от ладоней чародея, сжалось в плотный, почти черный комок и резво понеслось вслед их воздушному судну.

— Масдай, сзади!.. — отчаянно выкрикнула царевна, и ковер ласточкой нырнул к зияющему под ними ущелью.

Олаф повалился на Сеньку, Иванушка — на мешки с припасами... Шар, налитый лиловой тьмой, просвистел над их головами и с глухим звоном чугунного мяча врезался в скалу.

— П-пронесло... — с дрожью в голосе выдавил Масдай и выровнял полет.

В месте встречи комка мрака с камнем

расплывалось тошнотворно поблескивающее черное пятно.

— Интересно, что это было? — проговорила растрепанная Сенькина голова из-под торопливо поднимающегося на четвереньки сконфуженного конунга.

— Вернуться, поглядеть? — ядовито полюбопытствовал ковер.

Точка, замершая было поодаль, снова пришла в движение.

— Нет, не надо... Сейчас сами повторят... на бис, — кисло поморщилась царевна.

— Интересно, это заклинание Адалета сейчас помогло, или?.. — с сомнением проговорил Иван, неохотно вкладывая бесполезный меч в ножны. С болезненной неуверенностью он взгляделся в равнодушно-голубой посох Агграндара, почти заваленный теперь поклажей и ничем не отличающийся от любой другой хорошо обструганной и отшлифованной палки на всем Белом Свете, кроме эффектной подсветки.

— Тот, кто еще раз упомянет в моем присутствии имя этого старого оболтуса, до Шантони пойдет пешком!!! — рывкнул ковер, ускоряясь до предела и, Иванушка мог бы поклясться, оглядываясь через несуществующее плечо.

Сенька коснулась посоха...

Ничего.

— Он должен потеплеть? Замигать? Стрелять молниями? — с надеждой устремил лукоморец отчаянный взгляд на супругу.

— Не знаю, — неохотно выдавила та. — Но пока не замечен ни в том, ни в другом, ни в третьем.

— Защитничек... — прорычал ковер. — Что тот был... кудесник... что эта... клюка...

Щит со сторонниками Гаурдака увеличивался в размерах медленно, но непреклонно.

— Почему они быстрее нас летят? — незаметно от юношей сравнивая предыдущий замер с новым,² пробормотала Серафима.

— Потому что их двое, — сквозь нити основы процедил хриплым шершавым голосом ковер.

— Всего на одного меньше, чем нас, — недоуменно заметил Олаф.

— Если не учитывать, что ты вместе со всем своим снаряжением вешишь больше, чем пять нормальных человек! — сипя от натуги, рыкнул Масдай.

Если бы ковер был хоть одним нормальным человеком, с болью подумал Иванушка, то сейчас бы дышал, хрипел и спотыкался, как загнанная

---

² Раньше был один ноготь мизинчика, потом — полтора, сейчас — две фаланги.

лошадь.

— Так что ж мне, худеть прямо сейчас начинать? — обиженно насупился конунг, положил руку на рукоять топора номер семь, и демонстративно сосредоточил всё внимание на преследователях.

— Приближаются... — с бурей эмоций в груди озвучил царевич и без того очевидный факт. — Высокий опять руку поднял... Подлетят поближе, чтоб наверняка, и...

— К-кабуча... — процедила Серафима и вдруг хлопнула себя по лбу.

Посохом.

И мгновенно сунула его мужу в руки.

— Вань, держи!!!

— Ты чего? — опешил Иванушка.

— У меня же колчан в багаже имеется! Щас мы им поприближаемся... Как сказал классик, давненько не брал я в руки шашек... и сабель... а луков тем более...

Не имея в запасе лучшего варианта, царевич стоически стиснул в побелевших пальцах единственную их магическую защиту и стал ждать, во что выльется Сенькина авантюра.

Насторожившийся, как боевой конь при зове рога, отряг был срочно призван позагораживать всё, что у него получится, еще немного. Под защитой мощного торса царевна быстро натянула на лук

тетиву, выглянула из-за плеча Олафа, прицелилась... и пустила стрелу.

Литое лиловое облако и легкая стрелка встретились и разминулись на полпути.

— Сзади!.. — успел объявить воздушную тревогу Олаф и впечатался лицом в теплый пыльный ворс. Лукоморцы рухнули рядом, улучшая по мере возможностей аэродинамику и маневренность. Масдай нырнул — и скользнул вправо, заодно как бы невзначай стряхивая на извивающуюся под ними дорогу топор номер шесть.

Ренегаты на адекватный, но неэквивалентный ответ преследуемых так ловко среагировать не успели. В то мгновение, когда второй потерявший цель шар сделал попытку пробить скалу, со щита донесся вскрик.

— Есть!!! — радостно подпрыгнула Сенька, ткнув кулаком в подбрюшье весело синеющего майского неба.

— Убит?.. — астматически прохрипел ковер.

— Надеюсь... — пытаюсь разглядеть, что там происходит, пробормотала царица из-под козырька ладони.

Преследующий их щит качнулся, словно невзначай, рыскнул, сбавил ход и остановился.

— Похоже, готов душегуб... — выдохнул с облегчением и тоном знатока изрек Масдай.

— Почему ты так решил? — удивился Иванушка.

— Потому что на этих... дровах недопиленных... прости Господи... просто так не полетаешь. И надо или творить заклятья, или управлять ими. В лучшем случае, они могут висеть не падая, когда маг делает свои волшебные дела. А раз этот растопочный материал остановился, значит, оставшийся ренегат переключил внимание на подстреленного. И ему теперь не до нас и не до полетов. Пока.

— А ты откуда всё это знаешь? — уважительно округлил глаза отряг.

— Покопти-ка небо с моё, — самодовольно усмехнулся Масдай и слегка замедлился. — Не всё то роза, что пахнет, и не всё то ковер-самолет, что летает... Вот отдышусь маленько, и дальше — на крейсерской скорости, бодрым шагом... Так, глядишь, из этих проклятых гор и выберемся.

Но отдышаться ему не пришлось.

Медленно-медленно поначалу, но с каждой минутой все быстрее зависшая было точка снова принялась увеличиваться в размерах, пока не стало отчетливо видно выпрямившегося во весь рост высокого человека в сером плаще. Рядом другой — опустился на одно колено и ссутулился, сжимая правое плечо. Раненый, но готовый к бою.

— К-кабуча... — простонал Масдай и снова

рванул вперед, что было сил, закладывая вираж вокруг вставшего на их пути крутого бока скалы. И, естественно, только зловредный порыв попутного ветра был виноват в потере двух топоров поменьше, для ювелирной работы, как рекламировал выковавший их отряжский оружейник.

Но Олаф этого не заметил. Не отрывая взгляда, он, как и двое его друзей, наблюдал, как высокий патлатый маг переменил позу, растопырил пальцы, будто готовился к игре в ручной мяч, и стал на глазах окутываться мерцающей золотыми звездочками вуалью.

— А если еще раз попробовать?.. — вопросительно глянул отряг на Сеньку. — Давай, загрожу.

Ту упрашивать долго не пришлось. Нырнув за широкую спину живой ширмы она споро проделала операции зарядания и прицеливания и торопливо пустила стрелу.

Коснувшись золотой вуали, стрела вспыхнула красным светом, словно раскаленная, и рассыпалась в прах. Серафиме показалось, что высокий колдун то ли нежно оскалился, то ли неприятно улыбнулся.

— А вот это — кабуча, габата, апача и полный дрендец на холодец... — тихо произнесла она, и имела в виду каждое слово, что бы оно ни значило.

Новая вспышка заставила друзей вздрогнуть и

пригнуться: из скрюченных пальцев преследователя вырвались две лиловые молнии, и с треском раздираемого сукна метнулись к Масдаю, неистово рванувшему вперед и вверх.

Мимо, мимо...

Еще две...

Мимо, снова мимо...

Щит приблизился настолько, что отталкивающая торжествующая ухмылка длинного ренегата из воображаемой превратилась в ясно различимую, а по губам ясно читалось холодно-летальное «не уйдете, не уйдете, не уйдете...».

Двойные молнии следовали одна за другой, и интервал между ними сокращался с каждой парой пусть на долю секунды, но постепенно и непреклонно, как и дистанция между безумно финтящим и крутящимся Масдаем и идущим ровно летательным аппаратом ренегатов. Беззащитный перед оскаленной пастью магии отряд уже пытался не противостоять, а просто удержаться на ковре, сохранив при этом свои нехитрые пожитки и самое главное сокровище, с каждым мгновением теряющее в их глазах ценность все больше и больше. Посох Агграндара.

Удар молний.

Финт.

Еще удар.

Уход влево.

Удар.

Вираз.

Удар.

Нырок.

Удар...

Масдай хотел метнуться вправо, но перед самым носом его, откуда ни возьмись, возник скальный карниз. В последний миг ковер сумел вывернуть, едва не стряхнув пассажиров, и тут случилось то, что должно было случиться этим утром рано или поздно.

Очередной удар парных молний накрыл его сверху и снизу.

Грохот ослепительной лиловой вспышки, окрасившейся на краткий миг золотом, заглушили торжествующие выкрики двух волшебников со стремительно несущегося за жертвами щита.

— Ага, достали!!! — радостно проревел высокий, пьяный адреналином боя, и в порыве ликования бросился обнимать раненого товарища. — Кабуча, кабуча, кабуча!!!..

И поэтому они не успели ни увидеть, ни понять, что произошло, когда сдвоенные фиолетовые молнии ударили сверху и снизу в их воздушный корабль.

— Не видать...

Иван снова и снова обзирал

безмятежно-чистый горизонт на востоке, прикрыв глаза от распалившегося-раскочегарившегося полуденного солнца, и упрямо не веря в случившееся.

— Что это было?.. — слабо простонал утомленный Масдай, плетущийся уже даже не на крейсерской скорости, а на скорости прогулочной одновесельной лодчонки.

— Не знаю, — честно ответил Олаф, страдальчески разглядывая оплавленные кончики рогов любимого головного убора. — Ты отвернул от скалы, молния грохнула над головой — как молотом по кумполу... Я будто оглох и ослеп... думал, всё, отлетелся, понеслась душа в Хеймдалл... А как в голове чуток звенеть перестало, гляжу — вроде и не отлетелся... Только шлем жалко. А три топора так и вовсе расплавились без остатка... кто бы мог подумать... хеловы волхвы...

— Целых три? Кель кошмар... — неопределенно промычал ковер.

— Сень, может, ты чего видела?.. — Иванушка бросил исследовать пустое небо и обратил мутный взор на супругу.

— Да ты что, Вань, молнией по голове получил? — просипела Серафима. — У меня до сих пор искры из глаз сыплются, а в голове — соревнования звонарей в полном разгаре... Откуда

мне знать, куда они провалились... чтоб они провалились...

— А может, это посох Ада... Агграндара?.. — взгляд Олафа упал на мирно лежащий под их пожитками знак магического отличия покойного волшебника.

Масдай презрительно фыркнул пылью, давая понять, что он думает о такой нелепой идее, но вербально возразить не сумел: других объяснений их чудесному выживанию и не менее загадочному исчезновению преследовавших их колдунов не было даже у него.

Пропали их враги окончательно, или сделали перерыв на обед, искушать судьбу четверка переживших магическую атаку не стала, и ковер снизил высоту полета до предела, чтобы заметить его издали между вершин было невозможно.

Теперь они летели всего в паре метров над дорогой, почти касаясь брезентовых крыш редких пока возов и бодро колышущихся перьев на шлемах странствующих рыцарей, растянувшись плашмя, головами в разные стороны, настороже. Иногда охочие до новостей из Багинота и Лотрании путники выкликали приветствия и вопросы.

Иногда Масдай им отвечал.

В ста процентах случаев повторных попыток заговорить не следовало.

— Это не отношение... Это сегрегация,

дискриминация и обструкция по шерстяному признаку в одном лице... и лицо это — моё... если бы оно еще у меня и было... Но его у меня нет... а сегрегация, дискриминация и обструкция всё равно есть... и это — еще одна вселенская несправедливость... — довольный в глубине своей мохеровой души эффектом, производимым на невинных путешественников, воодушевленно брюзжал ковер. — Почему когда какая-нибудь глупая птица несет вызубренную чушь, все умиляются и ахают? Почему, когда поет аляповато раскрашенная деревянная коробочка, все улыбаются? И почему, когда то же самое слышат от уважаемого и рассудительного ковра, старше и мудрее их всех вместе взятых...

— Так ты еще и петь умеешь? — удивилась Серафима.

— Вот видите!!!.. — мученически простонал Масдай, заставляя шарахнуться проходившую под его животом артель каменщиков.

— Если хочешь, можешь нам что-нибудь исполнить, — вежливо предложил Иванушка. — Мы с удовольствием послушаем.

— Ненавижу пение, — буркнул Масдай.

— Так чего же ты?.. — удивился Олаф, тем не менее, не стараясь скрыть облегчение.

— Но ведь мог бы и любить!.. И тогда кто мог бы представить себе мои всепоглощающие

моральные терзания, мучения душевных страданий, можно даже выразиться, если бы...

Что было условием страданий терзаний старого ковра, узнать людям так и не удалось, потому что лопоухий мальчишка, валявшийся на спине в телеге, груженной горшками, тщательно переложенными соломой, вдруг ткнул вверх пальцем и во всеуслышание произнес:

— Бать, гляди-ка! А вон еще один летит!

— Где?!

Недоверчивый голос гончара был полностью продублирован и заглушен дружным квартетом с неба.

— Вон там, из-за той горы только что показывался! — довольный привлеченным вниманием, сообщил мальчик, усердно указывая в район предполагаемого появления вражеской авиации.

— К-кабуча...

Яркий день мгновенно потерял свои краски и свет. В ушах засвистел холодный ветер.

— Масдай, давай от дороги уйдем, — Иванушка положил на густой теплый ворс вспотевшую ладонь. — Не собьемся ведь с пути?..

— Как собьемся, так обратно набьемся, — хмуро буркнул ковер, уже сворачивая и теряясь среди серых крутых каменных боков скал. — Если живы будем...

Пассажиры, даже не доставая из ножен и чехлов бесполезного оружия, просто присели на корточки, спина к спине, и молча уставились в изрезанное рваными вершинами небо. Единственной их надеждой на спасение на этот раз был шанс вовремя заметить преследователей и попытаться затеряться на фоне бескрайнего горного ландшафта.

До боли, до рези в слезящихся глазах вглядывались беглецы в каждую подозрительную точку, то и дело попадавшуюся в поле их зрения, вздрагивая каждый раз, когда она слишком быстро росла или направлялась в их сторону.

Птица...

Птица...

Снова птица...

Опять...

Устав от их нервных выкриков, Масдай, тихо радуясь, что специфика анатомии не позволяла ему слечь с сердечным приступом, уже не обращал на них внимание, а угрюмо сосредоточился на скрупулезном следовании рельефу Багинотской горной гряды. Он уже не летел, а крался вдоль шершавых круч цвета старого шифера, касаясь их то одним краем, то другим. Он то спускался почти до самого дна глубоких расселин, то следовал до мельчайшего капризного изгиба руслу горной реки, то поднимался и опускался вдоль неведомых людям

недоступных перевалов, скребя животом по камням и прильнув боком к отвесным стенам...

— Скоро вечер... — облизав пересохшие от волнения и давно забытой жажды губы, хрипло прошептала Серафима, рассеянно поглаживая изгиб дуги любимого лука. — До темноты продержаться, а там где-нибудь на ночь приткнемся.

— Я и ночью могу лететь, — еле слышно прошепелестел ковер. — Если звезды будут. Вы привал сделаете минут на несколько — и вперед. Повезет — за ночь оторвемся и потеряемся. Ренегаты тоже люди, и кушать и спать хотят не меньше вашего. А отдохну я днем. Найдем где-нибудь славную теплую печку или каминную полку...

— Хорошо, — почти беззвучно прошептал Олаф. — Согласен со всем... кроме того, что они тоже люди... Если бы не Серафима... я бы сказал, кто они есть на самом деле...

— А ты скажи, — посоветовала Сенька. — Я глаза закрою.

Отряг ухмыльнулся, но на провокацию не поддался.

— А сколько еще до этого вашего... Мильпардона?.. — вместо этого спросил он.

— Еще дня полтора лету, — не без труда отыскав на огромной карте маленький городок, приютивший всемирно известные ВыШиМыШи,

сообщил Иванушка.

— Долго...

— Прорвемся, — решительно нахмурилась царевна.

— Если не порвемся... — невесело хмыкнул Масдай. — Вы за воздухом-то глядеть не забываете, оптимисты.

— Да мы не забыва...

Они не сразу поняли, что вынырнувший из-за ближайшей скалы загадочный черный плоский предмет неправильной формы и непонятого происхождения и две съезжившиеся на нем фигуры, покрытые редкими клочьями обгоревшей одежды, и есть те грозные преследователи, от кого они так успешно скрывались почти весь день.

— ...не забыва...

— Вот они!!!

На этот раз спастись у отряда, застигнутого врасплох, не было ни единого шанса.

Сенька схватилась за лук, Олаф — за топоры, Иван — за меч, Масдай затормозил и включил реверс... Но слишком поздно. Отклоненная пренебрежительным взмахом руки одного из чародеев, стрела прошла мимо.

Торжествующе смеясь, высокий чумазый маг с единственным жидким подпаленным клочком шевелюры на вымазанном сажей темечке — территории выжженных волос — упруго

выпрямился во весь рост. Он стремительно выбросил руки вперед, и с удовольствием, почти физически ощутимым в радиусе ста километров, выплюнул два заключительных слога заготовленного заранее смертоносного заклинания. С кончиков пальцев колдуна сорвались десять изломанных черных молний и, вмиг преодолев разделявшее их расстояние, накрыли трескучей сетью ковер и его пассажиров.

Свист отклоненной снова стрелы... Отчаянные вскрики... Ослепительная черная вспышка, подернутая золотом... Ликующий смех...

Оборвавшийся вдруг пронзительным двойным воплем.

Потому что совершенно непонятно и необъяснимо молнии, словно спружинив от золотого облака, на мгновение раньше окутавшего беглецов, устремились к хозяевам, сжали в горячих объятьях...

Обугленные останки щита полетели, кувыркаясь, в бушующий внизу горный поток.

Остановился ковер только через полчаса, зависнув над неведомым ущельем, и только потому, что пролететь еще хотя бы сантиметр он уже не смог бы и под страхом быть навечно погруженным в кипящую под ними на перекатах речку.

— Х-хель и преисподняя... — простонал сквозь зубы едва пришедший в себя отряг, с

усилием отдирая гудящую как набат голову от Масдая, пахнувшего горелой шерстью и почему-то жженным волосом. — В-второй раз за день...

— Т-тенденция, однако... — слабо усмехнулась в ответ Серафима и осторожно разлепила глаза. — Бог т-троицу... любит...

— Чур тебе на язык... — сердито прошуршал Масдай и снова утомленно умолк.

Иванушка смахнул с обожженного лба подпаленную челку, охнул, и слегка осоловелым взглядом воззрился на чистое майское небо, накрывшее их своим куполом.

Так...

Глаза сверху...

Значит, спина снизу.

Мысли бродят...

Значит, мозг на месте.

По-крайней мере, головной...

Олаф справа.

Значит, Сеня... Сеня...

Как называется это направление, которое сверху, но когда ты лежишь?.. То есть, если бы стоял, оно было бы сверху, но вот ты лег, и оно стало... сбоку?.. с торца?.. с торса?.. с тороса?.. с торшера?.. Нет, это вообще не то...

— Где посох? — просипел справа хриплый голос отряга.

— Подо мной где-то... — туманно сообщил и

закашлялся голос супруги с неидентифицированного направления в районе Ивановой макушки.

Послышался шорох мешков с припасами, отделяемых от заваленной ими Сеньки, и в поле зрения Иванушки появилась родная растрепанная голова. Обгорелые закопченные пряди разной длины весело торчали в разные стороны, делая любимую жену похожей на инструмент для чистки труб и дымоходов и его владельца одновременно. Измазанная копотью физиономия заботливо заглянула ему в лицо, тронула кончиками пальцев лоб и сочувственно сморщилась.

— Больно?

— Нет, ерунда... В Шатт-аль-Шейхе на солнце хуже обгорал... — храбро улыбнулся Иван и сделал почти успешную попытку сесть. Небо и горы испуганно метнулись в разные стороны, в голове взорвался годовой запас вамаясских фейерверков, и он снова обрушился на всевыносящую спину надежного Масдая.

— Ничего, полежи, приди в себя, — успокаивающе проговорила Серафима. — Кстати, ты в курсе, что у тебя не только солнечный ожог, но и солнечный удар?

— Ч-что?..

— Я говорю, что мне всегда было любопытно, как ты будешь выглядеть в старости...

— Ч-что?!..

— Лысый череп тебя нисколько не портит, вот я на что намекаю, — уже почти сердито сообщила супруга. — Почти. По-крайней мере, не настолько, чтобы прямо сегодня подавать на развод.

Иван схватился за голову...

Она была покрыта редкими островками жженных волос и с готовностью отозвалась такой же нудной тупой болью ожога первой степени, как и лоб. От резкого движения куртка и рубаха на его плечах осыпались на спину Масдая черным пеплом, и тут же были унесены порывом ветерка.

— Ничего себе... — забыв про головную боль и нудящие ожоги, прошептал Иванушка.

— Зато шапка целая, — весело сообщила Сенька, выудила у него из-под спины отряжский летний малахай из шкуры варга — подарок Фригг — и услужливо вложила ему в руки.

— Репка недожаренная... — царевна с жалостью погладила ошетинившуюся обгорелой шевелюрой мужнину голову. — Хотя могло быть и хуже.

— Это как? — испугался Иван.

— На твоём месте могла быть я.

Олаф фыркнул в кулак.

— А посох... тоже целый? — смутился лукоморец и поспешил перевести разговор на что-нибудь более нейтральное и конструктивное.

— Щас поглядим... — пробормотала Серафима и извлекла на всеобщее обозрение из груды погибшего багажа гениальное творение Агграндара. Посох был цел — ни подпалины, ни выщерблины, ни трещины, только... Показалось им, или нет, но светиться он стал как будто слабее?

— А где *эти* ? — спохватился Иванушка и снова попытался вскочить.

— Опять пропали, — ковер поспешил рассеять его опасения. — Молнии как ударили, у меня все перед глазами завертелось, полыхнуло, посыпалось... а только развеялось — я тут же такого ходу дал, как в жизни не летал, даже в детстве, когда мы с братьями в салочки играли... Едва гору не снес с перепугу... А может, и снес. Но их к тому времени в поле зрения уже и духу не было... вроде. По-крайней мере, не гнались. И после я их не видел.

— Может, с ними что-нибудь случилось? — резонно предположил Иванушка.

— Вот только не надо намекать, что я должен был отправиться на их поиски, чтобы помочь в случае чего, Иван Симеонович! — едва не дымясь теперь еще и от благородного возмущения, пылко фыркнул ковер.

— Да нет, я вовсе это и не имел в виду... — смутился отчего-то лукоморец.

Отряг оторвался от задумчивого изучения

обугленных остатков своей рубахи под слегка оплавившейся кольчугой на целом и невредимом правом боку, и снова уставился на посох.

— А Ада... волхв с именем на «А»... — благоразумно-вовремя вспомнил он угрозу ковра, — не говорил, как именно посох Агграндара будет нас защищать?

— Нет, не до этого было, — с сожалением покачала головой царица. — Просто сунул в руки на бегу, наказал держать покрепче и далеко от него не отходить, и был таков.

— По-моему, это был очень хороший совет, — переглянувшись, в один голос постановили все.

Помывшись в горной речке и избавившись на берегу от всего, что двойное попадание молний не пережило — половины одежды, пары мешков, недельного запаса обугленной до состояния кокса провизии, чашек, кружек и котелка, от которого остались только ободок и доньшко, соединенные друг с другом приварившейся ручкой, а также того, что когда-то было Сенькиным луком со стрелами, отряд утомленно присел на бережку и, меланхолично бурча пустыми животами, задумался о месте ночлега.

Шерстяная спина летящего Масдая, конечно, хороша, но после сегодняшних кульбитов и потрясений отдых был нужен даже ей. А им — хотя

бы ужин, не говоря уже о такой декадентской роскоши, как ночевка под крышей, обильный завтрак и горячий травяной чай.

Иванушка, одновременно пугая и смешивая супругу новой прической, снова расстелил карту, смахнул с глаз одинокую челку, и принялся изучать заросли Багинотских гор, изображенных неизвестным картографом на желтом пергаменте как плотная череда кротовых куч.

Никаких рек, речушек и даже ручьев к западу от нарисованной Багинотской долины не было и в помине, и посему на пытливый ум троицы автоматически напрашивались два вывода. Либо они, сбивая преследователей с толку, заодно сбили с него и себя и невзначай очутились там, где ближайшая река протекала — непосредственно в пригороде Мильпардона, либо жизнерадостно бегущая мимо вода коварно вырвалась из-под спуда гор уже после начертания адалетовой карты. Даже не подвергаясь обсуждению, оба варианта получили саркастическое «Ха!» от всех троих, а исследователи этой территории — неведомые труженики линейки и теодолита — еще и персональное «шарлатаны и мошенники хеловы» от отряга.

Прояснению их текущего положения в пространстве это помогло мало, но души мятущиеся облегчило, и на здравую мысль

натолкнуло.

На скорую руку почистив Масдая, устало растянувшегося в безопасном удалении от воды, троица погрузила на слегка подпаленную мохеровую спину оставшиеся пожитки, состоявшие, главным образом, из последнего запасного Олафова топора, «сокровища Багинота» и Агграндарова посоха. Ковер поднялась в воздух — выглядывать на этот раз не столько угрозу с неба, сколько ровное сухое место, где можно было хотя бы разложить костерок и разлечься самим, если уж это было всё, что оставила им по части удовольствий и развлечений на сегодняшний вечер и ночь капризная судьбинушка. Но то ли забыла про них, наконец-то, злодейка-судьба, то ли решила, что наигралась достаточно, но вдруг Масдай радостно ахнул, резко заложил вираж, огибая отвесную скальную стену, и нетерпеливо спикировал, как кот на сметану.

— Дом!!! — вырвалось синхронно-восхищенное из всех трех глоток, будто строение, представшее их истомленным взорам, являлось если и не сказочным дворцом с вывеской «Обслуживание путешественников круглосуточно», то пятизвездочным постоялым двором с большой кухней и теплой печкой.

Мягко приземлившись на еле видной тропинке у самой калитки, Масдай с чувством